

УСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОЗИЦИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

ВЫБОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЕЙ ОСЕНЬЮ 1917 ГОДА: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МАТЕМАТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ

Сегодня достаточно часто восприятие исторических событий в России XX века происходит через призму вины интеллигенции — «специфического российского образования» в «глубочайших катаклизмах российской истории»¹. При всём огромно потоке философской, социологической, исторической и другой общественно-ведческой российской литературы по интеллигенции наше понимание объекта исследования — интеллигенции — ныне не намного углубилось по сравнению с теми временами, когда был предложен данный термин и слово «интеллигенция» стало фактом русского языка².

Своеобразие теперешней ситуации в российском обществоведении заключается в том, что, отказываясь от вульгарных трактовок марксизма ждановско-сусловским фундаментализмом, исследователи пытаются найти ответы у западных коллег. А многие современные западные интеллектуалы порой выносят категорические суждения о роли интеллигенции в российском обществе. Так, английский исследователь венгерского происхождения, длительное время живший в СССР, а теперь являющийся преподавателем кафедры политических наук Редингтонского университета Тибор Самуэли доказывал, что «*русская интеллигенция была орудием разрушения...*»³. Германский исследователь, доктор исторических наук из Кёльнского университета Леонид Люкс опубликовал в московском журнале «Вопросы философии» статью под символическим названием «Интеллигенция и революция: Летопись триумфального поражения», в которой утверждает: «*Царская власть, с которой интеллигенция так страстно боролась с самого своего возникновения, казалась ей вместе с тем и настолько всемогущей, что она не рассчитывала на скорое крушение самодержавия и возможность*

---

¹ Люкс Л. *Россия между Западом и Востоком*. М., 1993. с. 58 - 75.

² Klaus von Beyme. Intellectuals, Intelligentsia // *Marxism, Communism and Western Society*. N.Y., 1972. Vol. IV. P. 301 - 312.

³ Смотрите: *Новый колокол*. Лондон. 1972. с. 7.

взять власть в свои руки. Практика и технология власти совершенно не занимали интеллигенцию, она отождествляла себя с жертвами. По-иному обстояло дело с большевиками. Семнадцатый год и последующие события показали, что большевики были, в сущности, исключением внутри “ордена” [интеллигенции — А.К.]. Только большевикам во главе с Лениным удалось соединить радикальный утопизм с исключительно трезвым пониманием механизмов насилия. Вот почему они добились самого большого успеха среди всех групп интеллигенции и превратили “орден” (или хотя бы часть его) из кучки беспочвенных мечтателей в господствующий слой гигантской империи. Но уже через десять лет после своего триумфа “орден” лишился власти, а ещё через десять лет бóльшая его часть была физически уничтожена⁴.

Однако, по моему мнению, непосредственную ответственность за противостояние власти и интеллигенции несёт именно царское самодержавие, что достаточно аргументированно показал известный американский исследователь, эмигрант из России М.И.Раев⁵. В конечном счете, массы высказывались за социализм, по-видимому, по той простой причине, что комплекс идей, на котором покоится социалистическое учение, чрезвычайно близок комплексу представлений локальной культуры типа русской сельской общины. После 1917 года измученный годами войн и разрухи народ, поживший, так сказать, по своей воле и почувствовавший свою беспомощность, своё неумение устроить собственными силами какое бы то ни было подобие нормальных человеческих отношений, возжаждал, наконец, мира и покоя и бросился под знамёна «рационалистической утопии». Откуда мог народ знать, что это — утопия, что он высказался за проект общества, который в принципе неосуществим.

Прошло более восьми десятилетий. В условиях радикальных перемен, происходящих в России, вновь возрастает интерес к истории российской интеллигенции, её взглядам, общественно-политическим позициям, к мотивационным факторам, которые влияют на деятельность данного субъекта общественной жизни. Особенно настоящее замечание касается периодов исторических катаклизмов. И это не удивительно. Интеллигенция интел-

---

⁴ Люкс Л. Интеллигенция и революция: Летопись триумфального поражения // *Вопросы филологии*. 1991. № 11. С. 14.

⁵ Раев М. *Понять дореволюционную Россию. Государство и общество в Российской империи*. London, 1990.

лектуально, идеологически и организационно прокладывает путь к обновлению общества, подвергает ревизии стереотипы массового общественного сознания, формирует установку на изменение общественного устройства.

Большевистская революция 1917 года, безусловно, была крупной вехой не только российской, но и мировой истории, вехой, положившей начало грандиозному эксперименту создания нового общества, отношения в котором должны были соответствовать многовековым чаяниям различных слоёв российского общества, определять вектор мировой цивилизации. Поэтому в наши дни особенно важно рассмотреть в исторической ретроспективе вопрос о восприятии данного события российской интеллигенцией. Осмысление исторических уроков истории отечественной интеллигенции должно помочь осознать место и роль интеллигенции в современной России.

Сегодня снова интеллигенция пытается выработать комплекс идей, вокруг которого могли бы сложиться новые социальные отношения, долженствующие сплотить и организовать разваливающееся общество. И снова взоры отечественных интеллигентов обращаются к Западу, на этот раз к Америке как образцу и эталону. Не повторяют ли российские интеллектуалы старой ошибки? Например, ими предлагается следующий «рецепт исцеления» России: *«Если уж мы, пытаясь выздороветь от чумы так называемого социализма, хотим действительно влиться в мировую цивилизацию, забыть надо эти вздорные, мёртворождённые слова — “интеллигент”, “интеллигенция”»*⁶. Наивная попытка «упразднить» интеллигенцию, *«всегда противостоящую власти в России»*, и заменить ее, *«как во всем мире»*, верными властям интеллектуалами⁷, в качестве панацеи от всех бед, по моему, представляет из себя лишь эпатажный филологический трюк. Дело не в терминологических, а в сущностных характеристиках того социального слоя общества, который в разных странах определяется по-разному — «интеллигенция» или «интеллектуалы».

На мой взгляд, сегодня особый интерес в качестве теоретической основы исследований истории интеллигенции представляет выработанный в современном российском обществоведении подход к определению **интеллигенции/интеллектуалов**, исходя из той функции, которую умственная деятельность выполня-

---

⁶ Иванов А. Интеллигент — это кто? // *Книжное обозрение. 1992. № 11.*

⁷ Панченко А.М. Не хочу быть интеллигентом. // *Московские новости. 1991. №50.*

ет в более широкой системе общественных отношений, и той роли, которую играет труд людей, занимающихся этой деятельностью, в данной системе. Эта функция обеспечивает связанность и гомогенность общественной жизни, интеграцию индивида в существующие общественные отношения, она создает единство всех социальных групп, так как предполагает организацию и воспитание сознания, специальную разработку идеологических отношений людей. Таким образом, интеллигенцией является слой людей любого общества, которые внутри социальных групп специально заняты разработкой идеологических связей. Эта трактовка основывается на взглядах М.К.Мамардашвили⁸. Данный подход позволяет видеть в интеллигенции не некую «прослойку», объединенную характером труда, выполняемого ее членами и стабильно присутствующую в обществе наряду со «средними слоями», а совершенно особую часть общества, с одной стороны, являющуюся необходимым условием самого существования именно данного общества, с другой стороны, претерпевающую разительные изменения по ходу трансформаций, происходящих в обществе.

Во многом данный подход созвучен персоналистическому идеал-реализму Н.О.Лосского. По Н.О.Лосскому, весь мир состоит из личностей, а всё реальное бытие, то есть события, имеющие форму времени (психические процессы), а также события, имеющие пространственно-временную форму (материальные процессы), творятся личностями сообразно идеям⁹. Эта трактовка отвергает суждения об исключительности российской интеллигенции, противостоящей власти во все времена, и о её противопоставлении западным интеллектуалам, всегда лояльным власти. Именно общество и власть формируют свои взаимоотношения с интеллигенцией. Поэтому одностороннее возложение всей ответственности за социальные катаклизмы на интеллигенцию просто некорректно. Скорее, следует говорить не о вине всей российской интеллигенции, а об ответственности конкретных представителей интеллигенции в конкретных партиях, организациях и общественных движениях за совершенно определённые дела и поступки. Но при этом всегда необходимо помнить о том, что в начале XX века многие представители интеллигенции в России предупреждали о грозящей революцион-

---

⁸ Мамардашвили М.К. *Как я понимаю философию*. М., 1990. С. 334-336.

⁹ См. : Лосский Н.О. *Условия абсолютного добра: Основы этики; Характер русского народа*. М., 1991.

ной катастрофе, но их обоснованные прогнозы не были должным образом восприняты правящими верхами, несущими первостепенную ответственность за происходящее в стране.

Выбор политической позиции, того или иного общественно-политического лагеря, для большей части российской интеллигенции в 1917 году не был, да и не мог быть кратковременным актом. Он проходил в ходе длительного процесса накопления и критической оценки политического опыта. Свое место в революционном процессе осени 1917 года каждая группа и каждый конкретный представитель интеллигенции определял под воздействием сложного комплекса факторов, их переплетения и взаимодействия.

В большинстве работ советских историков, где охарактеризовались общественно-политические позиции российской интеллигенции в 1917 году, её деятельность в первые месяцы Советской власти, оценка давалась с позиций большевиков. Главное внимание в этих работах уделялось отношению интеллигенции с новой властью, а не мотивом поведения и деятельности данного социального слоя. Если же эта проблема и затрагивалась в советских исторических сочинениях, то взгляды и дела «антисоветской» интеллигенции трактовались весьма тенденциозно, через классово-идеологическую призму, исключительно как *«зависимость от денежного мешка буржуазии»*¹⁰. Данный подход не позволял объективно оценить мотивы и саму деятельность российской интеллигенции в послеоктябрьский период, а также непредвзято рассмотреть политику «рабоче-крестьянского государства» к этому субъекту общественной деятельности.

Не вызывает сомнения тот факт, что события осени 1917 года стали поворотным пунктом не только в развитии всей страны, но и в политической дифференциации российской интеллигенции. За короткий отрезок времени в сознании интеллигенции произошли существенные, а порой кардинальные изменения. И это не случайно, ибо, как известно, бывают в истории времена, когда в одном дне сосредоточиваются десятилетия. Это мнение находит подтверждение в суждениях представителей российской интеллигенции первой трети XX века. Так, журналист С.В.Яблоновский-Потресов писал в апреле 1922 года:

---

¹⁰ См., например : Ушаков А.В. *Демократическая интеллигенция в периоде трех революций в России*. М., 1985.

«Мы не годы пережили; мы через необъемлемые пространства времени прошли»¹¹.

Отношение российской интеллигенции к Октябрьской революции было различным. Спектр оценок был очень широким: от крайне негативных до восторженно приветствующих. К сожалению, отсутствие точных сведений, социологических данных не позволяет чётко и определённо судить о политической дифференциации российской интеллигенции в ходе большевистской революции. Это привело к существованию различных точек зрения в оценке политической дифференциации российской интеллигенции непосредственно после взятия власти большевиками, как в специальных исторических исследованиях, так и в мемуарной литературе. В первое послеоктябрьское десятилетие вопрос о политическом размежевании интеллигенции России ставился и решался не как научная проблема, а скорее как актуальная политическая задача. Довольно часто в работах того времени интеллигенцию после Октябрьской революции оценивали, как массу, в большинстве своём противостоящую большевикам, неспособную *«перестроить своё мировоззрение»* и *«осознать непобедимость идей социализма»¹²*. По мнению советского историка 1960-х — 1980-х годов Е.Н.Городецкого, одного из первых отечественных марксистских историков М.Н.Покровского характеризовала *«...твёрдая уверенность в политической глухоте старой интеллигенции, в её неумении и нежелании слушать музыку революции и тем более принять её. Свою трактовку постоянной конфронтации интеллигенции и революции Покровский сохранил до второй половины 20-х годов»¹³*.

Другая группа авторов 1920-х годов считала, что основная масса российской интеллигенции не смогла поначалу принять большевистскую революцию, но в дальнейшем *«...большинство испуганных интеллигентов... в результате длительного и зигзагообразного процесса поняло, что новый класс не варвар, не хам и дикарь.., что [оно] может с таким же, а может быть и с гораздо большим успехом, нежели буржуазию, культурно об-*

---

¹¹ Государственный центральный театральный музей имени А.А.Бахрушина. Фонд 210. Описание 1. Единица хранения 1051. Лист 53.

¹² Ломакин И. Учителство передовой школы // *Известия*. 1919, 21 июня; Керженцев В. Ещё об интеллигенции // *Известия*. 1918, 18 октября; Мещеряков Н. Русские сменовеховцы // *Красная новь*. 1922. № 2. С.22; и другие.

¹³ Городецкий Е.Н. *Советская историография Великого Октября. 1917 — середина 30-х годов. Очерки*. М., 1981. С. 190.

служивать пролетариат»¹⁴. Этими авторами были выделены две группы интеллигенции. Первая группа — слой, безусловно, враждебный Советской власти и в большинстве своём неспособный к идейной перестройке, относящийся к высококвалифицированной части интеллигенции, а также отряды идеологов буржуазии (юристы, журналисты, земцы и прочие)¹⁵. Вторая группа — менее квалифицированная, рядовая часть, составляющая большинство интеллигенции, оценивалась как *«наиболее способная к переходу на позиции социализма»*¹⁶. Но сами авторы работ с изложением предлагаемой политической дифференциации интеллигенции России не считали данные группы достаточно чётко оформленными и допускали взаимопроникновение интеллигентов из одной группы в другую, несоответствующую им по квалификации, социальному положению, профессиональной принадлежности. В первую очередь подобная оговорка относилась к молодой интеллигенции (и особенно к студенчеству), не успевшей, по мнению авторов, *«развернуться в буржуазной среде»*, но способной *«...с искренностью и горячностью молодости приобщиться к великому революционному творчеству наших дней...»*¹⁷.

В работах публицистов и историков 1920-х годов были предприняты первые попытки определить причины идейно-политической дифференциации интеллигенции России после большевистской революции. Среди выделяемых причин назывались социально-экономическая привязанность, особый характер умственного труда, его индивидуальность, из которой вытекают замкнутость, интеллигентский индивидуализм¹⁸. Это во многом повлияло на то, что интеллигенция *«...не сразу увидела и сознательно оценила созидательную работу пролетарской диктатуры, не верила в осуществимость социалистических преобразований, а реальные трудности, лишения и невзгоды связывала только с коммунистической революцией»*¹⁹. Нарком

---

¹⁴ Вольфсон С.Я. Интеллигенция как социально-экономическая категория // *Красная новь*. 1925. № 6. С. 156; Смотрите также: Полонский В. Заметки об интеллигенции // *Красная новь*. 1924. № 1. С. 189 - 205; Сибиряков Н. Интеллигенция и органическая работа // *Известия*. 1918. 17 апреля; Гредескул Н. Интеллигенция на переломе // *Известия*. 1920. 12 июля; и другие.

¹⁵ Гредескул Н. Одинокая попытка или общественное движение // *Известия*. 1920, 17 августа; Полонский В. *Заметки об интеллигенции...* С. 205.

¹⁶ Гредескул Н. Одинокая попытка...

¹⁷ Там же.

¹⁸ Серебряный З. Саботаж и создание нового государственного аппарата // *Пролетарская революция*. 1926. № 10. С. 7; Вольфсон С.Я. Интеллигенция как социально-экономическая категория... С. 155, 160.

¹⁹ Полонский В. Заметки... С. 198 -205; Гредескул Н. Интеллигенция на переломе...

просвещения большевистского правительства А.В.Луначарский, характеризуя интеллигенцию послеоктябрьского периода, большое внимание уделял формированию идейно-политических позиций различных групп интеллигенции в коммунистической революции, подчёркивая, что политическое расслоение российской интеллигенции определялось не только социально-экономическим положением, но и рядом иных не менее важных факторов, таких как профессия, личные качества и другие²⁰. Главным моментом в определении позиций отечественной интеллигенции после Октября 1917 года выдвигался вопрос понимания происходящего, восприятия большевистской революции интеллигенцией для выяснения коренных мотивов сотрудничества данного социального слоя с коммунистической властью. Основная масса авторов 1920-х годов полагала, что интеллигенция сотрудничала с Советской властью *«из соображений исключительно пайковых»*, то есть для получения содержания из рук большевиков, в глубине души надеясь на скорую гибель *«ненавистной ханократии Советов»*²¹. Но, утверждая подобное, большинство авторов того времени не отвергало возможности в дальнейшем *«осознания интеллигенцией своего места в коммунистической революции»*²².

С конца 1920-х годов в советской обществоведческой литературе предпочтение стало отдаваться не творческому осмыслению марксистской теории, а схоластике, догматическому истолкованию некоторых положений трудов К.Маркса и Ф.Энгельса, интерпретации упрощённых схем И.В.Сталина и его сподвижников, начётничеству, росло число направлений, закрытых для научного исследования, куда попало и рассмотрение идейно-политической дифференциации российской интеллигенции после Октябрьской революции. Начало формирования тоталитарного общества в СССР потребовало и наличия соответствующей интеллигенции в обществе. Такой тип интеллигенции (в современной обществоведческой литературе её называют по-разному: социалистическая, советская, совковская, образованщина, большевигенция) как советский мог возникнуть только под определяющим воздействием, руководством такой тоталитарной

---

²⁰ Подробнее об этом смотрите: Климанова Т.В. Проблема интеллигенции в произведениях А.В.Луначарского // *Методологические проблемы исследования места интеллигенции в социальной структуре развитого социализма. Материалы к Всесоюзной научно-теоретической конференции.* М., 1979, С. 48.

²¹ Мещеряков Н. Русские сменовеховцы... С. 22; Ломакин И. Учительство перед новой школой...

²² Там же.

партии как РКП(б) — ВКП(б) — КПСС²³. Поэтому потребовалось создание догматической схемы «борьбы большевистской партии за интеллигенцию» с осени 1917 года.

Уже на XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 года, рассматривая социально-классовое развитие советского общества, И.В.Сталин объединяет новую буржуазию и интеллигенцию в одну группу²⁴. Им было выделено концептуальное положение о росте по мере увеличения успехов социализма контрреволюционных настроений в среде интеллигенции. Правда, данное положение сопровождалось нечёткой оговоркой: «...Ошибочно думать, что весь служилый элемент, вся интеллигенция переживает состояние недовольства, состояние ропота или брожения против Советской власти»²⁵. Тогда же из российской интеллигенции была выделена группа «лояльной» технической интеллигенции, «ибо она, будучи тесно связана с процессом производства, не может не видеть, что большевики ведут дело нашей страны вперёд, к лучшему»²⁶. Так было положено начало формированию вскоре догматической и упрощённой схемы о делении интеллигенции России после 1917 года на контрреволюционные верхи, оторванные от народа, и революционные низы, политически близкие пролетариату, а также колеблющуюся середину интеллигенции. Господство данной схемы в 1930-е — 1950-е годы привело к ущербу трудов советских обществоведов по истории отечественной интеллигенции.

Правда, и в 1930-е годы были попытки не замечать обязательной для основы любого изучения схемы трёхслойного деления интеллигенции. Так, Е.М.Ярославский с прежних позиций марксистского историзма попытался разобраться в весьма сложных процессах, проходивших после большевистской революции в среде интеллигенции. В качестве причин, определивших идейно-политическое размежевание интеллигенции России в 1917 году, он называл классовый состав и многолетние традиции, в результате которых «в массе своей старая интеллигенция... пошла на службу социалистическому государству»²⁷. Но данная работа Е.М.Ярославского, выпущенная небольшим ти-

---

²³ Подробнее об этом смотрите: Волков В.С. Главная закономерность процесса формирования советской интеллигенции // *Интеллигенция, провинция, Отечество: Проблемы истории, культуры, политики*. Иваново, 1996. С. 9 - 11.

²⁴ Сталин И.В. *Сочинения. Том 10*. М., 1949. С.317.

²⁵ Там же. С. 318.

²⁶ Там же.

²⁷ Ярославский Е.М. *О старой и новой интеллигенции*. Ростов-на-Дону, 1939. С. 4, 16.

ражом на периферии, была лишь исключением в потоке повторяющих догматическую схему Сталина публицистических трудов 1930-х - 1950-х годов.

Первые попытки демонтажа сталинской схемы относятся к началу 1960-х годов под влиянием хрущёвской «оттепели» и связаны с именем крупнейшего советского исследователя истории отечественной интеллигенции С.А.Федюкина. Он достаточно убедительно показал несостоятельность прямого детерминирования имущественным состоянием и социальным положением в обществе до Октября 1917 года отношение российской интеллигенции к большевистской революции²⁸. С.А.Федюкин, М.П.Ким, Л.В.Иванова, Ю.С.Борисов, В.Л.Соскин, В.С.Волков, М.Е.Главацкий, Л.М.Зак, О.Н.Знаменский и ряд других исследователей 1960-х — 1970-х годов последовательно проводили в своих работах мысль, что социальное происхождение, принадлежность к высшим и так называемым «цензовым» слоям интеллигенции, имевшим высокий статус в обществе до большевистской революции, далеко не всегда обуславливали её негативное отношение к Советской власти²⁹. При этом советские историки были вынуждены двигаться в русле отработанных направлений, а взгляды зарубежных исследователей всегда приводились лишь для дежурной «критики западных фальсификаторов»³⁰. В это время в советской историографии отечественной интеллигенции был накоплен огромный фактический материал, проде-

---

²⁸ Федюкин С.А. Ленин и проблема привлечения буржуазных специалистов к социалистическому строительству в первые годы Советской власти // *История СССР. 1960. № 2. С. 90 - 111*; Он же. В.И.Ленин о привлечении старой интеллигенции к сотрудничеству с Советской властью // *Вопросы истории КПСС. 1970. № 1. С. 44 - 57*; Он же. *Привлечение буржуазной технической интеллигенции к социалистическому строительству в СССР*. М., 1960; Он же. Об использовании военных специалистов в Красной Армии // *Военно-исторический журнал. 1962. № 6*; Он же. Борьба за перевоспитание старой технической интеллигенции в восстановительный период // *История СССР. 1965. № 4. С. 106 - 120*; Он же. *Советская власть и буржуазные специалисты*. М., 1965. С. 26.

²⁹ Подробнее об историографической ситуации 1960-х — 1970-х годов смотрите: Главацкий М.Е. Советские историки о политическом размежевании буржуазной интеллигенции в период Октябрьской революции // *Интеллигенция и революция. XX век: Сборник статей*. М., 1985. С. 131 - 138.

³⁰ Лишь с конца 1980-х годов стал заметен переход от огульной критики западных исследователей к конструктивному анализу. Смотрите: Багдасаров В.К. Американские и английские буржуазные историки о русской интеллигенции XIX - XX веков // *История СССР. 1987. № 4. С. 217 - 221*; Бойко Ю.В. Современное французское соqueteведение о духовной культуре послеоктябрьской России (1917 — конец 1920-х годов) // *Русский вопрос: История и современность. Омск, 1992. С. 111 - 120*; Он же. Становление советской интеллигенции в освещении французской немарксистской историографии 20-30-х годов // *Интеллигенция в советском обществе*. Кемерово, 1993. С. 110 - 121; Козлов С.А. Проблемы культурной революции в СССР в новейшей немарксистской историографии (1917 — начало 1930-х годов) // *История СССР. 1989. № 4. С. 186 - 199*; Зезина М.Р. Октябрь и интеллигенция в буржуазной литературе // *Вопросы методологии и истории исторической науки. М., 1987. Выпуск 5. С. 164 - 173*; и другие.

лана значительная источниковедческая и историографическая работа, появились обобщающие исследования, прошли первые научные конференции по истории интеллигенции, где предпринимались попытки объективно рассмотреть отношение русской интеллигенции к Октябрьской революции. Однако приверженность старой парадигме, диктат идеологических органов КПСС не позволили исследователям 1960-х — 1970-х годов выйти за рамки многих прежних подходов, характерных для предшественников.

Последующие 1970-е — 1980-е годы характерны не только продолжавшимся отказом от старой сталинской схемы, но и выдвиганием в русле коммунистических подходов рядом авторов собственных надуманных моделей. Во многом был прав академик М.П.Ким, когда ещё в 1985 году, в начале горбачёвской «перестройки», отметил: *«В вышедших за последние годы книгах содержится много нового. Правда, не во всех случаях авторы, видимо, учитывают, что новое слово в науке рождается не так просто и легко, что оно всегда является результатом напряжённой работы мысли. Среди высказанных новых мыслей и положений, к сожалению, имеются и явно непродуманные, а иногда и просто схоластические. Отчасти по этой причине теоретические споры нередко носят надуманный характер»*³¹. Данное замечание с полным основанием можно отнести и к попыткам выдвинуть новые варианты схемы идейно-политической дифференциации интеллигенции после 1917 года не на основе изучения фактов, а лишь по наитию исследователя.

К сожалению, подобные подходы остаются доминирующими и в последнем пятнадцатилетии. До настоящего времени истинные мотивы и позиции пореволюционной интеллигенции и её общественных организаций остаются нераскрытыми. Современный новосибирский историк С.А.Красильников справедливо констатировал: *«Эпоха перестройки и постсоветское время доказывают устойчивость и живучесть политологических построений. При всех внешних их отличиях от предыдущей схемы трудно не заметить сходство логики рассуждений части исследователей, но теперь уже по принципу “перевернутого изображения”. Спектр взаимоотношений “власть — интеллигенция” нередко трактуется ныне таким образом, что оппозиционность (враждебность, неприятие) части*

³¹ Великая Октябрьская социалистическая революция и становление советской культуры, 1917 - 1927. М., 1985. С. 4.

онность (враждебность, неприятие) части интеллигенции большевистской власти ставится интеллектуалам в заслугу, а союзоспособность по отношению к власти становится величиной негативной. Представление о власти как абсолютном зле, а интеллигенции как её перманентной жертве настолько легко перешло из публицистики в исторические исследования, что это может быть темой специального историографического анализа»³².

При этом приходится сталкиваться с работами современных авторов, где соседствуют упреки историкам прошлых лет в конъюнктурности и ангажированности, со ссылками на исторические документы и факты, введённые в исторический оборот в исследованиях всё тех же советских историков³³. В этой связи приходится согласиться с мнением известного отечественного историка В.И.Миллера: *«На смену постепенному освобождению от исторических оценок, не выдержавших проверки всей совокупностью накопленных фактов, пришёл поддержанный частью историков отказ не только от значительной части накопленных исторической наукой наблюдений и выводов, но и от хорошо известных фактов. Новые подходы, несомненно, расширили круг проблем, рассматриваемых историками, ввели в него ряд ранее табуированных тем... Однако.., мы пока не продвинулись вперёд ни в познании общих закономерностей исторического процесса, ни в осознании событий, которые определяли ход истории. В этих условиях, видимо, следует разобраться, не “вылили ли мы с грязной водой и ребёнка”, иначе говоря, не привёл ли радикальный отказ от применявшихся ранее подходов и методов к известному торможению в исторической науке»*³⁴.

Необходимо признать, что немаловажным фактором в современный период для обработки и анализа документов и материалов по истории интеллигенции в условиях революционных событий 1917 года и победы коммунистического режима стали личные представления и впечатления авторов, как непосредственных свидетелей и участников нынешних событий конца 1980-х — начала 1990-х годов и краха коммунистического режима.

---

³² Красильников С.А. Конформизм российской интеллигенции как социальная ценность в XX веке (Дискуссионные заметки) // *Интеллигенция России в конце XX века: Система духовных ценностей в исторической динамике. Тезисы докладов и сообщений Всероссийской научной конференции, посвящённой памяти профессора В.Г.Чуфарова*. Екатеринбург, 1998. С. 42.

³³ Смотрите, например,; Казанин И.Е. Отношение прогрессивной российской интеллигенции к Октябрьскому перевороту в первые месяцы Советской власти // *Вестник ВолгГУ. Серия 4. История. Философия*. Волгоград. 1997. Выпуск 2. С. 47 - 54.

³⁴ Миллер В.И. *Осторожно: история! М., 1997. С. 8.*

Личное мироощущение в период ломки общественного строя в России позволили авторам вжиться в образы своих героев, а где-то порой и экстраполировать собственные, современные моменты личностного выбора как основу альтернативности истории («за» или «против»). При этом авторы испытывали потребность в сочетании личностных ощущений от проходящих событий с вычлениением объекта исследования — российской интеллигенции 1917 года — как задачи теоретической. Здесь и заключаются значительные трудности в реконструкции не осознаваемых людьми представлений и соответствующих им норм поведения. Эти трудности, в общем, известны и наиболее сжато суммированы П.Бёрком³⁵. То, что не попадает в сферу сознания — не находит отражения в письменных источниках. Историк вынужден пользоваться косвенными методами, «домысливая» за своих героев. При этом зафиксировать свои выводы он может тоже, только придав бессознательным представлениям форму сознательных категорий. Построение системы категорий — такова пока наиболее разработанная форма описания ментальности, что явно не соответствует природе изучаемого объекта.

По меткому определению М.К.Мамардашвили, «...иногда знание того, что мы видим, несомненно, мешает нам видеть видимое»³⁶. Он говорил о познании человеком мира в целом, но данное замечание с не меньшим успехом может быть отнесено и к частным случаям, например, источниковедческому анализу. Действительно, ещё недавно комплекс источников по истории отечественной интеллигенции первой трети XX века представлялся историкам, состоящим из следующих связанных частей: работы В.И.Ленина и других руководителей большевиков; документы большевистской партии; материалы советских органов; источники официальных организаций и союзов; пресса; документы личного происхождения; архивные материалы. Кроме того, специалистам-историкам позволялось использовать источники «непролетарского партийно-политического лагеря», к которым был необходим особенно критический подход. Но вот времена изменились, а с ними изменился и комплекс источников по истории интеллигенции первой трети XX века в следующей иерархической последовательности: труды лидеров и идеологов антибольшевистского лагеря; документы политических партий, течений и групп; официальные материалы; пресса; документы

---

³⁵ *History of European ideas*. V. 7. 1986, # 5.

³⁶ Мамардашвили М.К. Указ. соч. с. 44.

личного происхождения; архивы; документы советско-большевистского лагеря, требующие критического подхода, перепроверок.

Хотя почти все исследователи за последнее десятилетие успели «перестроиться», а затем ещё и приобщиться к особой «русской духовности» 1990-х годов, возьму на себя дерзость утверждать, что мы так и не приблизились к глубокому познанию объекта исследования. Современная ситуация в отечественной историографии воскрешает рассуждения В.Франкла о детерминизме и индетерминизме: *«Фактически мы живём во времена научного плюрализма, когда отдельные науки представляют реальность столь различно, что картины противоречат друг другу. Однако я убеждён, что эти противоречия не противоречат единству реальности. Чтобы показать это, вспомним, что каждая наука даёт, так сказать, сечение реальности»*³⁷. И далее В.Франкл на основе геометрической аналогии показывает, что два ортогональных сечения цилиндра в одном случае представляют его горизонтальное сечение как круг, а в другом — вертикальное сечение — как квадрат. Мне представляется, что наши современные знания по истории русской интеллигенции также напоминают ортогональные сечения объекта исследования: если раньше мы анализировали плоскостную проекцию, ограниченную условско-трапеzienковскими рамками большевистского «прямоугольника», то сегодня мы позволяем себе обратиться лишь к «кругу» либерально-демократической проекции. При этом сам объект исследования по-прежнему очень часто выпадает из поля зрения, не вмещаясь в плоскостные построения. В первую очередь наши прежние теоретические установки базировались на классовом дуализме: интеллигенция, как социальная прослойка, была зажата между двумя партийно-политическими лагерями. Поэтому её положение во многом выяснилось на основе суждений партийно-политических лидеров и деклараций политических партий, в первую очередь большевистской. Даже споры о важнейших вехах в истории отечественной интеллигенции базировались на соответствующем подборе высказываний. Хотя в 1960-е — 1970-е годы декларировался отказ от «иллюстративного метода» и от применения «совокупности высказываний», однако и в конце 1980-х годов ряд спо-

---

³⁷ Франкл В. *Человек в поисках смысла*. М., 1990. С. 75.

ров, по существу, сводился к различным интерпретациям высказываний В.И.Ленина о месте и роли интеллигенции³⁸. Сегодня Ленина цитируют лишь для доказательства злонамеренной деятельности большевиков, истребивших интеллигенцию. Иногда для этого используют те же цитаты, какими ещё недавно подтверждались, якобы, «единственно правильная в тех условиях» политика большевиков в отношении интеллигенции.

Естественно, что комплекс источников деформируется в зависимости от идеологических установок. Критический анализ всех частей комплекса источников предопределяет отсеечение недостоверных данных, но это ещё не означает вынесения тех или иных документов за рамки исследования в зависимости от их партийно-классового происхождения. Иначе мы просто переходим от изучения одной проекции объекта к другой, но сам объект по-прежнему не виден, не доступен нашему анализу³⁹.

Современное состояние гуманитарных наук предполагает отказ от стремления к упрощению исследуемого объекта. При изучении исторических сюжетов мы оказываемся перед трудной проблемой: исследователь подходит к изучению объекта в наивной убеждённости, что мудрость его как бы превосходит сложность объекта. Однако на деле даже простейшее восприятие фактов оказывается обусловленным готовностью увидеть подтверждение уже сформировавшихся гипотез автора.

У историка нет возможности экспериментировать, проверяя свои гипотезы, что осложняет исследовательскую задачу⁴⁰. В последнее время неоднократно предпринимались попытки обозначения количественного соотношения при политической дифференциации отечественной интеллигенции после Октябрьской революции, а также выявления причин данной дифференциации⁴¹. Однако, эти попытки вряд ли можно признать удачными. Ввиду отсутствия полных и всесторонних статистических данных, чёткого разграничения политических позиций интеллигентов, исследователи на основе ограниченного целевого подбора аргументов и фактов пытались противопоставить различные точки зрения о соотношении пробольшевистской, антибольшевистской и нейтральной в политическом отношении российской

---

³⁸ Смоляков Л.Я. *Социалистическая интеллигенция*. Киев, 1986.

³⁹ Об этом подробнее смотрите: Бордюгов Г.А. Каждое поколение пишет свою историю // *Исторические исследования в России: Тенденции последних лет*. М., 1996. С. 427 - 436.

⁴⁰ Егорова В.С. *О природе исторического познания*. М., 1986. С. 19.

⁴¹ Об этом смотрите: Буслов К.П. *Социально-историческое развитие классов в СССР*. Минск, 1979. С. 72, 74 - 75; Федюкин С.А. *Партия и интеллигенция*. ., 1983. С. 49 - 55; и другие.

интеллигенции после 1917 года. При этом попытки отдельных исследователей указывать на ценность нейтральной позиции в условиях общественной нестабильности российского общества⁴², не получили развития и должного осмысления в отечественной историографии интеллигенции.

Разумеется, сама по себе идейно-политическая дифференциация любой социальной группы после политических переворотов представляет собой достаточно длительный и сложный процесс. Принципиально важно выяснить непосредственную реакцию российской интеллигенции на приход большевиков к власти, её политическое размежевание в конкретной обстановке сразу после Октября 1917 года. Этому во многом способствовало то, что в документах личного происхождения (воспоминаниях, дневниках, письмах, записных книжках) дошедших до нас из тех времён почти всегда высказывается отношение к большевистскому захвату власти, отражена непосредственная реакция на те события. Кроме того, вопрос о том, с кем (большевиками или их противниками) был тот или иной россиянин в конце 1917 года становится одним из существенных при определении лояльного отношения к «диктатуре пролетариата». Во многом, даже при возможности дальнейшем изменения политической позиции, про- или антибольшевистская позиция того времени фиксировалась в анкетах, автобиографических справках, а позже в биографических статьях в энциклопедиях и справочниках. Это, казалось, давало основания для однозначной оценки политической позиции того или иного представителя российской интеллигенции («за» или «**против**» большевиков) в Октябре 1917 года.

Но при конкретном описании политической позиции реального интеллигента возникала иная тяжело преодолеваемая трудность — частое неоднократное изменение политических настроений. Это не давало возможности понять, почему и каким образом изменяются обыденное сознание и соответствующие матрицы поведения объектов исследования. Исследователь вынужден во многом следовать по наитию за собственными ощущениями, вытекающими из персонального жизненного опыта. А опыт подсказывает, что на принятие решений политического выбора часто оказывали воздействие самые противоречивые факторы. Но, тем не менее, условно можно попытаться вычле-

---

⁴² Смотрите, например,; Квакин А.В. *Октябрьская революция и идейно-политическое размежевание российской интеллигенции: Теоретико-методологические, источниковедческие, историографические аспекты*. Саратов, 1989.

нить логические опоры в принятии позитивного решения, определении позиции «за» или «против».

При этом приходится сочетать противоположности (пробольшевистская и антибольшевистская позиции интеллигенции) лишь на основе диалектической логики, которая не довольствуется принципом «или-или», а рассматривает содержание явлений в их взаимосвязи, единстве противоречивых сторон. В диалектической логике господствует закон единства, совпадения противоположностей, притом совпадения, доходящего до их тождества. Именно он составляет ядро диалектики как логики мышления, следующего за развитием действительности⁴³. Если в ходе анализа объектов и процессов становится возможным увидеть сущность раздвоенной линии поведения, то это значит, что процесс познания достиг своей цели, то есть действительная природа объектов и явлений адекватно познана⁴⁴.

Исходя из данного подхода, с учётом всех оговорок и условностей, автор данной статьи попытался с применением количественных методов решить исследовательскую задачу, не решённую традиционными историческими методами, а именно: определить основные причины размежевания российской интеллигенции в конце 1917 года на пробольшевистскую и антибольшевистскую. Для получения нового объёма сведений о причинах политического размежевания российской интеллигенции после Октябрьской революции оказалось целесообразным изучить в полном объёме весь комплекс сведений биографического характера по интеллигенции того времени. Далее была проведена работа по составлению сводных данных о социальном происхождении, профессиональной подготовке, образовании, партийной принадлежности, характере деятельности в 1917 году, которые вошли в общую базу данных, что позволило соединить их в единую сводную таблицу для обработки.

Используя методы обработки всей совокупности данных, принятых в математических науках, был проведён корреляционный анализ полученных сведений⁴⁵. В основу подсчётов были

---

⁴³ Ильенков Э.В. *Диалектическая логика. Очерки истории и теории*. М., 1984. С. 270.

⁴⁴ Смоляков Л.Я. *Социалистическая интеллигенция...* С. 52.

⁴⁵ Подробнее описание проведения математического анализа данных смотрите: Квакин А.В. Использование математических методов при анализе мотивов политического выбора интеллигенции в Октябре 1917 года // *История российской интеллигенции. Межвузовский тематический сборник научных трудов*. М., 1995. Часть 2. С. 45; Он же. Использование корреляционного и факторного анализов при изучении мотивов политического выбора российской интеллигенции в 1917 году // *Культура и интеллигенция России в эпоху модернизации (XVIII -XX века). Материалы Второй все-*

положены данные, полученные по 1308 гражданам России 1917 года, занимавшимся в то время интеллигентской деятельностью. Среди факторов, которые в трудах историков и других исследователей-обществоведов фигурируют в качестве определяющих отношение интеллигенции к Октябрьской революции, обычно называют партийную принадлежность, профессию, возраст, образование, материальный уровень жизни, социальное происхождение. Как уже отмечалось, *«принято считать, что интеллигенция под влиянием Октября разделилась на три группы: враждебно, нейтрально и лояльно встретивших установление пролетарской диктатуры»*⁴⁶. Все эти факторы и были взяты для корреляционного анализа с целью выяснения доминирующих.

В результате подсчётов из первоначальных сведений были выведены коэффициенты корреляции факторов, влияющих на отношение интеллигенции России к Октябрьской революции. В итоге проведённого анализа данных были получены сведения, позволяющие определить порядок влияния различных факторов на политическую ориентацию: 1 — партийность, 2 — имущественное положение, 3 — профессиональная принадлежность, 4 — социальное происхождение, 5 — возраст, 6 — уровень образования.

В отношении интеллигенции к большевистской революции от её партийной принадлежности безусловно закономерна перво-степенная зависимость. Та часть интеллигенции, которая накануне Октября 1917 года чётко определила «свою» партию, непосредственно после «рабоче-крестьянской революции», как правило, идёт за данной политической партией. Подсчёты показывают сильное стремление членов октябристской и кадетской партий в антибольшевистский лагерь, их резко отрицательное отношение к Советской власти и слабый уровень колебаний. Но наличие определённого уровня колебаний, хотя и относящихся к величинам второго порядка, является уже показательным явлением. А вот у российских интеллигентов, состоявших в эсеровской и меньшевистской партиях, уровень колебаний становится доминирующим показателем, хотя здесь высоки и антибольшевистские тенденции.

российской научной конференции. Т. 1. Интеллигенция и многоликость культуры российской провинции. Омск, 1995. С. 93 - 96.

⁴⁶ Красильников С.А. Октябрь и политические позиции интеллигенции Сибири // Советская интеллигенция и её роль в коммунистическом строительстве в СССР. М., 1979. Т. 1. С.117.

И всё же показатель влияния партийно-политической принадлежности интеллигенции на её отношение к Октябрьской революции, скорее всего, является уже очевидным итогом воздействия ряда первичных факторов, именно они и представляют для исследования наибольший интерес. Выявлена следующая закономерность: у высокообеспеченных интеллигентов очень сильно негативное восприятие «пролетарской революции», заметное стремление в ряды борцов с большевизмом, хотя имеются и значительные колебания. У среднеобеспеченной интеллигенции прослеживается отрицательное отношение к революции большевиков лишь второго порядка. А вот низкообеспеченных интеллигентов в первую очередь характеризует стремление в разряд колеблющихся. Это даёт определённые основания говорить о сильных антибольшевистских настроениях у высокообеспеченной интеллигенции, значительных у среднеобеспеченной и о серьёзных колебаниях у малоимущей интеллигенции.

Учитывая эти данные, трудно согласиться с упрощённым представлением, господствовавшим в советской историографии, о непосредственной зависимости жизненного уровня интеллигенции и её политических позиций. Надуманные выводы о том, что богатая интеллигенция «полностью перешла в стан контрреволюции», среднеобеспеченная — «колебалась», а малоимущая пошла за большевиками, опровергаются данными корреляционного анализа. Уровень материального положения не даёт нам права однозначного, непосредственного отнесения того или иного интеллигента в пробольшевистский или антибольшевистский партийно-политический лагерь. Одновременно следует учитывать, что фактор материального положения является доминирующим при сопоставлении с другими факторами, воздействующими на политические позиции интеллигенции в 1917 году.

Значительный интерес представляют данные корреляционного анализа о влиянии профессионального фактора. Так, у государственных служащих и дипломатов выявлена очень высокая степень негативного отношения к власти большевиков при наличии серьёзной неустойчивости в политических настроениях. У деятелей театра, музыки, кино заметны тенденции в поддержку Октябрьской революции и отрицания контрреволюционной борьбы. А вот доминирующее положение в политических настроениях среди писателей, поэтов, литературных критиков, журналистов занимает колеблющаяся позиция, хотя здесь за-

метно и определённое негативное отношение к большевистской революции. У художников, скульпторов, графиков и других деятелей изобразительного искусства также преобладают политические колебания, но у них сильно и отрицание участия в антисоветской деятельности. В среде военной интеллигенции в 1917 году были определяющими антибольшевистские настроения. А вот для учёных наоборот характерно активное сотрудничество с «рабоче-крестьянским государством» и ярко выраженное нежелание сотрудничать с антибольшевистским лагерем. Среди медиков, агрономов, лесоводов заметны тенденции к сотрудничеству с победившей «диктатурой пролетариата» и отрицание антисоветских устремлений. Эти данные корреляционного анализа ещё раз подтверждают ошибочность перенесения характеристик интеллигенции одного профессионального профиля на другие отряды интеллигенции, на что а priori уже указывалось в историографической литературе⁴⁷.

Корреляционный анализ показал достаточно большое воздействие на политические позиции интеллигенции социального происхождения. Так, у выходцев из дворянства и буржуазии в рядах интеллигенции чётко зафиксированы негативное отношение к Октябрьской революции и поддержка антибольшевистской контрреволюции. А вот у интеллигентов, вышедших из крестьянской среды, доминируют колеблющиеся позиции, хотя заметно и позитивное отношение к большевистской революции и негативное к её противникам. Стремление в советский стан и нежелание поддерживать противников Октября заметны у выходцев из семей служащих.

Корреляционный анализ показал и сильное влияние на политические позиции интеллигенции России в конце 1917 года возрастных факторов. У молодых представителей российской в возрасте до 25 лет чётко зафиксировано преобладание притяжения Советской власти и отрицания антисоветских позиций. Подобная тенденция наблюдается и в возрастной группе от 26 до 35 лет, но она выражена не столь определённо, как у молодёжи. А вот в группе интеллигенции от 46 до 55 лет заметно негативное отношение к Красному Октябрю, к ней примыкает, но не столь определённо, и группа в возрасте от 36 до 45 лет. Это даёт возможность предполагать наличие у молодых интеллигентов силь-

---

⁴⁷ Сергеев В.А. Новейшая историко-партийная литература о художественной интеллигенции в период строительства социализма (1917 - 1937 гг.) // *Роль интеллигенции в построении и дальнейшем развитии социалистического общества в СССР*. Л., 1978. Выпуск 2. С. 19.

ных пробольшевистских позиций и усиление антибольшевистских взглядов у лиц интеллигентских профессий более старшего возраста. Подобная тенденция, скорее всего, не была случайной, так как по мере развития исторических событий в России 1917 года происходило и заметное усиление распространения пробольшевистских воззрений, в том числе и среди интеллигенции. При этом молодёжь связывала с коренным переворотом социальных отношений возможность выдвинуться, занять заметное место в новой, революционной власти. В свою очередь интеллигенты среднего, и особенно старшего поколения, опасались потери своего социального статуса. Этим можно объяснить усиление антикоммунистических настроений в среде интеллигенции на шкале «Возраст», а также рост радикальных революционных настроений по мере понижения возраста.

Кроме прочих факторов, было проанализировано воздействие уровня образования на политические позиции интеллигенции. При этом следует отметить в целом невысокий образовательный уровень дореволюционной интеллигенции России. В 1913 году в Российской империи было 136 тысяч специалистов с высшим образованием, 54 тысячи — со средним специальным образованием из 1 миллиона лиц, относимых статистикой по характеру труда к интеллигенции⁴⁸. Корреляционный анализ позволил выявить преобладающую тенденцию неприятия «коммунистической революции» и сотрудничества с антисоветскими силами у лиц со средним образованием. У интеллигентов со средним специальным образованием, наоборот, сильно отрицание антибольшевистских позиций и поддержка Октябрьской революции. Но чёткой зависимости уровня образования и политических позиций выявить не удалось.

Для уточнения и перепроверки факторов, влияющих на отношение российской интеллигенции к Советской власти в конце 1917 года, подсчёты были продолжены. При этом использовалась иная математическая модель: с помощью методов факторного анализа определялось число доминирующих факторов. Всего для подсчётов теперь были взяты данные уже по 2811 представителям интеллигенции России 1917 года. На основе полученных результатов была выявлена общая сумма собственных значений 2,2, распределённая по 13 значащим факторам. Ана-

---

⁴⁸ *Народное образование, наука и культура в СССР. Статистический сборник.* М., 1977. С. 291.

лиз значения каждого из этих факторов выражается следующим образом:

Номера по порядку	Собственные значения	Значимость в процентах
01	0,59	27
02	0,50	23
03	0,20	9
04	0,15	7
05	0,13	6
06	0,13	6
07	0,13	6
08	0,10	5
09	0,09	4
10	0,08	3,5
11	0,07	3
12	0,02	1
13	0,01	0,5
Всего	2,2	100%

Ограниченность первыми двумя факторами обеспечивает 49% значимости. Если ограничиться первыми семью факторами, то они обеспечивают 83% значимости. Это — гипотетические факторы. Реальные факторы представляются как линейные комбинации этих гипотетических факторов. Сопоставление факторного и корреляционного анализов позволяют выделить стабильные 13 наиболее существенных, значащих факторов. А именно:

3 фактора из партийной принадлежности (*большевики; меньшевики, эсеры; кадеты, октябристы*),

5 факторов из профессиональной принадлежности (*государственные служащие, дипломаты; писатели, поэты, литературные критики, журналисты; деятели изобразительного искусства; военные; учёные*),

3 фактора из социального происхождения (*из дворян; из буржуазии; из крестьян*),

по одному — из уровня материального обеспечения (*высокооплачиваемые*) и из уровня образования (*среднее*). Как и в случае корреляционной модели, главенствуют те же 6 факторов. Особое внимание следует обратить на профессиональный фактор, который подчёркивает влияние профессиональных корпоративных связей и характера трудовой деятельности на обыденное политическое сознание интеллигенции.

Для продолжения исследования и включения вновь выявленных биографических данных были составлены и перепроверены сведения для картотеки на 2865 лиц интеллигентских профессий на конец 1917 года, что позволило соединить их в единую сводную таблицу для обработки. Для их анализа была использована Глобальная программа идентификации многомерных дискретных динамических систем и экстраполяции случайных стационарных процессов (Версия 7591). Были выявлены экстраполяция и параметрическое оценивание многомерных стационарных стохастических процессов, позволившие представить расклад векторов *«Противники большевиков»*, *«Неопределённая позиция»* и *«Сторонники большевиков»*, в том числе и по профессиональным группам. При рассмотрении вектора *«Противники большевиков»* легко соглашаешься с тем, что людям старших возрастов было трудно признать новую власть, разрушающую всё, чего они добивались за многие годы работы на интеллигентском поприще. Легко прогнозируется и негативное отношение представителей интеллигенции буржуазного социального происхождения к *«пролетарской революции»*. Труднее объяснить реакцию специалистов со средним образованием. А вот выделенные в данном векторе профессиональные группы учёных, государственных служащих, инженерно-технических работников, художников представляют повышенный интерес, ибо позволяют говорить о конкретных условиях труда, корпоративных традициях, влияющих на целые профессиональные отряды интеллигенции. Конечно, конкретный исторический материал даст существенное обоснование выявленным тенденциям.

Важно отметить, что сходные тенденции наблюдаются и в векторе *«Неопределённая позиция»*. Здесь появляется ещё одна профессиональная группа — писатели. Возможно, что на их политический нейтралитет повлияла популярная в то время формула *«литература вне политики»*. А вот социальное происхождение существенного значения для выбора политического нейтралитета в конце 1917 года не имело.

Сложнее оказалось понять механизм формирования вектора *«Сторонники большевиков»*. Здесь присутствуют многие факторы, что и в двух других векторах. Значительный интерес представляют сведения о сторонниках власти большевиков среди конкретных профессиональных групп российской интеллигенции в период Октябрьской революции. Выявлена следующая

заметная корреляция позиций интеллигенции среди сторонников Советской власти по профессиональным группам:

А. Военные — 1 - неполное высшее образование, 2 - возраст от 36 до 45 лет, 3 - возраст от 25 до 35 лет; **В. Учёные** — 1 - возраст старше 56 лет, 2 - большевики с дореволюционным стажем, 3 - возраст от 46 до 55 лет, 4 - среднее образование; **С. Медики** — 1 - возраст от 36 до 45 лет, 2 - возраст старше 56 лет, 3 - большевики с дореволюционным стажем; **Д. Театральные деятели** — 1 - возраст от 46 до 55 лет, 2 - неполное высшее образование, 3 - возраст от 36 до 45 лет, 4 - возраст старше 56 лет, 5 - социальное происхождение из служащих; **Е. Писатели** — 1 - неполное высшее образование, 2 - возраст от 36 до 45 лет, 3 - возраст от 46 до 55 лет, 4 - возраст старше 56 лет, 5 - из неимущих, 6 - мелкобуржуазного происхождения, 7 - эсеры и меньшевики по партийной принадлежности, 8 - в возрасте от 26 до 35 лет.

Таким образом, за счёт использования математических методов были выяснены общие закономерности влияния различных факторов на политическую дифференциацию интеллигенции России в 1917 году. Сегодня можно с уверенностью говорить о том, что применение математических методов в качестве вспомогательных, как об этом свидетельствует российская и международная историографическая практика, способно действительно расширить горизонты исторического познания, в отдельных случаях повысить его достоверность, дать иногда такие результаты, которых было бы невозможно достигнуть при помощи только традиционных методик. Однако, когда данные методы становятся главными, а место последовательного изображения событий целиком занимает моделирование тех или иных явлений и структур, история практически теряет своё важнейшее качество, с античных времён конституировавшее её как особую дисциплину, переставая быть логически связанным, последовательным повествованием, соединяющим человеческое прошлое и настоящее. Воистину был прав Р.Дж.Коллингвуд, когда утверждал: «Статистическое исследование для истории — хороший слуга, но плохой господин»⁴⁹. Используя настоящий совет и учитывая имеющиеся выводы, полученные при помощи математических методов, необходимо продолжить рассмотрение кон-

---

⁴⁹ Коллингвуд Р.Дж. *Идея истории: Автобиография*. М., 1980. С. 217.

кретного исторического материала, особенно из вновь открывшихся архивных хранилищ.

Ведь для историка недостаточно просто подсчитать корреляты, ибо под общими цифрами приходится собирать много уникальных личностей, которые не укладываются в простые схемы типа «**за** или **против**». С одной стороны, математические методы позволили увидеть общие тенденции в определении позиций интеллигенции 1917 года. Но, с другой стороны, мёртвая статистика убирает, по сути дела, личность исследователя, не позволяет ему вмешаться в искусственно замороженную историческую ситуацию, сделать знание живым. Об этом состоянии изучения объекта писал современный психолог Л.М.Веккер: *«...Абстрагирование неизбежно и даже полезно на тех этапах развития науки или на тех стадиях исследования, когда вычленяются основные аспекты изучаемого объекта и кристаллизуется соответствующее им система понятий... На последующих же стадиях такое искусственное обособление превращается в гипостазирование абстракций и тем самым становится тормозом. И дальнейшее развитие теории требует синтетического соотнесения ранее аналитически отщепленных друг от друга концептов, соответствующих основным аспектам исследуемой реальности»*⁵⁰. На мой взгляд, суждение Л.М.Веккера может быть отнесено не только к психологической сфере научных знаний, но и ко всем гуманитарным наукам.

Тогда современная стадия изучения истории российской интеллигенции должна превратить историю в живую, подлинно гуманитарную науку, где мыслят и действуют живые люди со своими характерами, потребностями и интересами. И это живое знание по истории интеллигенции России в 1917 году не только обязано разрушить старые догматические схемы, но и вынудит не застывать историческим знаниям в гипостазированных абстракциях, а потребует представлять очень широкий, часто меняющийся веер настроений в среде русской интеллигенции того времени.

Из документов мы видим, что отношение между российской интеллигенцией и большевистской властью были достаточно сложными уже с первых дней «диктатуры пролетариата». Известный русский поэт А.А.Блок тогда констатировал: *«...Происходит совершенно необыкновенная вещь: “интеллиген-*

---

⁵⁰ Веккер Л.М. *Психика и реальность: единая теория психических процессов*. М., 1998. С. 632.

ты”, люди, проповедовавшие революцию, “пророки революции” оказались её предателями. Трусы, натравители, прихлебатели буржуазной сволочи»⁵¹. Отрицательное отношение к захвату большевиками государственной власти и установлению ими «диктатуры пролетариата» вылилось в борьбу рассматриваемого социального слоя против Советской власти во многих сферах общественной деятельности. Против узурпаторов-большевиков выступили как отдельные представители русской интеллигенции, так и её общественные организации. Среди них наиболее непримиримую позицию заняли Союз инженеров, Союз служащих государственных учреждений, Академический союз, Союз деятелей искусств, Совет трудовой интеллигенции, Петроградский учительский союз, Пироговское общество врачей и некоторые другие организации⁵². Речь шла в первую очередь об отказе интеллигенции и служащих в первые месяцы большевистской диктатуры от сотрудничества с новой властью в надежде на её скорое крушение и возвращение к «нормальному государственному устройству». В 1917 — 1920-х годах таких, не сотрудничавших с большевиками представителей интеллигенции и служащих, называли «саботантами» или «саботёрами». Термин «саботаж» использовался большевиками, а в дальнейшем вошёл в советскую историографию для обозначения одного из методов «борьбы контрреволюции против Советской власти», когда «чиновники и служащие старых государственных и общественных учреждений» путём отказа от работы «рассчитывали дезорганизовать и вывести из строя продовольственные учреждения, банки, почту, телеграф, железные дороги, торговые промышленные предприятия»⁵³. Термином «спецы» тогда же стали обозначать всех специалистов с высшим и средним специальным образованием, служащих с дореволюционным стажем работы в государственных и общественных организациях, учреждениях.

Редактор «Известий Московского Совета» Н.А.Мещеряков писал, что в результате саботажа интеллигенция перешла в стан эксплуататоров, к борьбе с которыми сама призывала⁵⁴. Тем самым интеллигенция, «поднявшая восстание против народа, и теперь мечтающая ударить “в спину”, предаёт интересы рево-

⁵¹ Блок А. *Собрание сочинений в 6 томах*. Л., 1982. Том 5. С. 235.

⁵² Фортунатов В. *Общественные организации Петрограда - Ленинграда. 1917 - 1928. // Российская интеллигенция: страницы истории*. СПб., 1991. С. 15.

⁵³ *Великая Октябрьская социалистическая революция: Энциклопедия*. М., 1987. С. 450.

⁵⁴ *Известия. 1918, 6 апреля*.

люционной интеллигенции»⁵⁵. Как признавал известный представитель русской интеллигенции того времени В.Жадовский, саботаж — это великое преступление интеллигенции перед народом⁵⁶. В докладе на I Всероссийском съезде по просвещению Председатель Совета Народных Комиссаров В.И.Ульянов (Н.Ленин) доказывал, что саботаж, организованный наиболее реакционными представителями старой буржуазной культуры, показал *«нагляднее, чем любой агитатор, чем все наши речи и тысячи брошюр, что эти люди считают знания своей монополией, превращая его в орудие своего господства над так называемыми “низами”»*⁵⁷. Он тогда же определил, что *«подкупленные лица, высшие служащие, преследующие только одну цель: сорвать Советскую власть, хотя многие этого не знают, саботаж, это — стремление вернуть старый рай для эксплуататоров и старый ад для трудящихся»*⁵⁸. Ленин считал саботаж интеллигенции и служащих как деяния самостоятельного характера, носившие на первом этапе ненасильственный характер, но *«шедшие бок о бок с такими грозными методами контрреволюции в её борьбе с победившими большевиками как диверсия и вредительство»*⁵⁹. При этом, чаще всего, речь шла лишь об умышленном срыве каких-либо мероприятий, сознательном уклонении от профессиональной деятельности или о преднамеренном недоброкачественном выполнении работы.

Из анализа всего комплекса документов по истории саботажа можно определить, что данная форма интеллигентского сопротивления большевикам имела несколько форм. Во-первых, это активный саботаж, — намеренный срыв работы путём полного от неё уклонения. Во-вторых, пассивный саботаж — предумышленное торможение какой-либо деятельности или намеренное её некачественное выполнение. Но в практике конца 1917 — начала 1918 годов отчётливо проявилась тесная связь данных форм. Нередко открытый саботаж в форме забастовки вырастал из пассивного поначалу сопротивления. И наоборот, активный саботаж, после подавления его большевистской властью переходил в пассивную форму и достаточно долго не затухал, проявляясь в поведении интеллигенции различных профессий. Если пассивный саботаж был явлением повсеместным, то в ак-

⁵⁵ Известия. 1918, 21 апреля.

⁵⁶ Известия. 1918, 18 декабря.

⁵⁷ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Том 37. С. 77.

⁵⁸ Там же. Том 35. С. 308.

⁵⁹ Там же.

тивные формы он выливался только там, где антибольшевистская борьба достигала особой остроты — вплоть до вооружённых столкновений.

Хотелось бы чётко разграничить действия интеллигенции и служащих на саботажнические и не саботажнические, однако это трудно сделать из-за причин субъективного характера. Чаще всего исследователи истории саботажа идут по пути наименьших трудностей и, в первую очередь, указывают на интеллигентов, которые не участвовали в подписании петиций, в сборе пожертвований саботажникам, в пикетах и манифестациях как на пассивных саботажников. Однако методы саботажников были самые разнообразные, от откровенного отказа работать с представителями «рабоче-крестьянского государства», до запутывания дел, документов, отчётов, преследования «спецов», пошедших на сотрудничество с «большевизанами». Судя по документам личного происхождения, бойко применялся обман, распространение слухов о представителях новой власти, создание нездорового ажиотажа в кулуарах, петиции, демонстрации, кражи ключей и печатей. То есть саботаж так же многообразен, как велико приложение знаний интеллигенцией и служащими. Но в целом все эти действия саботажников всех специальностей, рангов, профессий можно определить как методические действия ненасильственного характера, направленные на нанесение ущерба Советской власти или на её дискредитацию.

Как массовое явление саботаж охватывает период с Октябрьского вооружённого восстания и до начала исторического периода Гражданской войны, то есть октябрь 1917 года — май 1918 года. В это время «саботаж спецов» проходил под политическими лозунгами, которые преобладали над стремлением наносить экономический вред государству, временно, как считали саботажники, находящемуся под властью большевиков. И, хотя в большевистских партийно-государственных документах, а также в периодической печати слово «саботаж» активно упоминается и после 1918 года, под данным термином тогда чаще всего уже подразумевается нечто другое, а именно вредительство или диверсия. И самое главное, что тогда саботаж именно интеллигенции и служащих уже не носит массового характера⁶⁰.

Таким образом, мы видим, что современная историографическая ситуация по проблеме изучения политических позиций

---

⁶⁰ Об этом подробнее смотрите: Квакин А.В. *Октябрьская революция...*

российской интеллигенции осенью 1917 года характеризуется переходными тенденциями. Отказ от старых догматических схем, введение новых документальных материалов в исторический оборот, применение новых (в том числе, математических) методов ещё не позволили совершить решительный исследовательский прорыв. Но уже сейчас понятно, что произошедшие изменения и поиски современных подходов требуют синтетического соотнесения ранее отщеплённых друг от друга подходов, превращения истории в подлинно гуманитарную науку.

© **Андрей Квакин, 1999**